

Алексей Толстой

Русалочьи сказки

ФТМ

Алексей Толстой родился в Москве в семье известного писателя и журналиста Алексея Толстого. Он окончил Московский университет и работал в различных учреждениях. Его творчество связано с русской литературой и искусством XX века.

Алексей Толстой
Русалочьи сказки

«ФТМ»

Толстой А. Н.

Русалочки сказки / А. Н. Толстой — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-27420-4

Сборник сказок Алексея Толстого.

ISBN 978-5-457-27420-4

© Толстой А. Н.
© ФТМ

Содержание

РУСАЛКА	5
ИВАН ДА МАРЬЯ	8
ВЕДЬМАК	10
ВОДЯНОЙ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Толстой

РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ

РУСАЛКА

Во льду дед Семен бьет прорубь – рыбку ловить. Прорубь не простая налажена с умом. Дед обчертил пешней круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешней.

Хлынула спертая, студеная вода, до краев наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки – снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу – не пускает кольцо.

Посмеялся своей хитрости дед Семен, приладил сбоку к проруби канавку – сачок заводить и пошел домой, ждать ночи – когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семен лошадь и овцу – все свое хозяйство – и полез на печь.

А жил он вдвоем со старым котом на краю села в мазанке.

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

– Что ты, неугомонный, – спрашивал дед, – или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

«Пустяки», – думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошел на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду.

– Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завел сачок и вытянул его полный серебряной рыбешки.

«Что за диво, – думает дед, – никогда столько рыбы не лавливал. Да смирная какая, не плещется».

Завел и еще столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева не проесть».

Посветил фонарем в прорубь – и видит на дне около кольца лежит темная рыбина.

Распоясался дед Семен, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьет, – смирная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками, и – домой...

– Ну, – говорит, – котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зеленый плес, руки сложила, спит русалка, личико – спокойное, детское...

Дед – к двери, ведро уронил, а дверь забухла, – не отворяется.

Русалка спит...

Обошелся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал – не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, – горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнес туда русалку, а чтобы тараканы не кусали, – прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спится.

Кот ходит, на решето глядит...

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из сметков варить, горшок валится, чаду напустил...

Вдруг чихнуло...

– Кот, это ты? – спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза, – светятся. Пошевелила губами:

– Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

– А я сейчас, – заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

– Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные.

Русалка говорит:

– Дед Семен, я есть хочу.

– А я сейчас, вот только, – дед помялся, – хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.

– Я леденцов хочу.

– Сейчас я, сейчас... – Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу, куда мне овца?»

Куплю леденцов...»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов – да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит:

– Сплети, дед, мочальный кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решету.

– Деда, а деда, что это? – кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

– Ах ты озорник! – никогда так не сердился дед Семен; отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: – Не балуй, не балуй...

Басом ревел Федька:

– Никогда к тебе не приду...

– И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда – старый рыжий кот...

– Ох, недоброе, кот, задумал, – говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или еще выдумала:

– Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать – продал дед лошадь, принес из города сундучок камушков и янтарную нитку.

– Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зеленый плес с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на нее просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

– Дед, дед! – закричала русалка. – Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывертывается. Дед на печь, оттащил кота.

– Удуши кота, удуши кота, – плачет русалка.

– Кота-то удушить? – говорит дед. – Старого!..

– Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечевку, помазал салом, взял кота, пошел в хлев.

Бечевку через балку перекинул, надел на кота петлю.

– Прощай, старичок...

Кот молчал, зажмурил глаза.

Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло березами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семен окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу.

Молча соскочила с печи русалка, поднялась на руках.

Глядит в окно, не сморгнет, высоко дышит грудь.

– Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу.

– Как же мы пойдем, засмеют они нас.

– Я хочу, возьми меня. – Натерла глаза и заплакала.

Дед смекнул.

Положил русалку за пазуху, пошел на выгон, где девушки хоровод водили.

– Посмотрите-ка, – закричали девушки, – старый приплелся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло – кричат, смеются, за бороду тянут. От песней, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, – впилась...

Замотал дед головой да – к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот.

Да мало что наплести можно про старого деда!

ИВАН ДА МАРЬЯ

Десятая неделя после пасхи – купальские дни.

Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот такая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлюпают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься – под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

– Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты – ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...

– Слушаю, братец! – говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой?
Ходит месяц над водой,
В глыбко озеро взглянул,
В темных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

– Кто тут?

– Выдь к нам, выдь к нам, – говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты – хороводы русалочки.

Русалки-мавки взялись за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! – обступили ее мавки, венки надели...

– К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. – Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

– Здравствуй, Марья, – захрипел водяной, – давно я тебя поджидал... И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда, – нет сестрицы. И видит – на берегу башмаки ее лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Настала купальская неделя.

«Уйду, – думает Иван, – к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям.

Шел, шел, видит – стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул», – подумал Иван и пошел в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

– Наваждение, – испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом:

– Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

– Сестрица, ты ли?

– Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

– А нельзя тебе от водяного уйти?

– Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы», – подумал и зацепился за серую тучу – зыбкое место.

Пошел по туче – ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

– Зачем сюда пришел? – заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

– Я за Полынь-травой, – поклонился Иван.

– Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

– Счастье твое, – рычит мужичок, – быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву. – И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит – сидит на земле страшный дед, водит усами...

– Пусти, – кричит Иван, – знаю, кто ты, не хочешь ли этого? – И ткнул водяному в лицо Полынь-травой.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес – на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе – Иван да Марья, Иван да Марья.

ВЕДЬМАК

На пне сидит ведьмак, звезды считает когтем – раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.

...Пять, шесть, семь... И гаснут звезды, а вместо них на небе появляются черные дырки. Их-то и нужно ведьмаку – через дырки с неба дождик льется.

А дождик с неба – хмара и темень на земле.

Рад тогда ведьмак: идет на деревню людям вредить.

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села.

Вдруг заметил его пьяненький портной: «Ах ты, говорит, гад!» – И побежал за кусты к месяцу – жаловаться. Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком – не дает ему звезд тушить. Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц, – тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил – месяц норовит зацепить и клыки оскалил.

Притихло в лесу. А месяц нацелился – да как хватит ведьмака по зубам...

Щелкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил.

Взвился месяц ущербый, свету невзвидел, укрылся за облако.

А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.

У ведьмака в животе прыгает отгрызанный месяц, жжет; вертится юлой ведьмак, и так и сяк – нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду... Расплескалась серебряная вода. Лег ведьмак на прохладном дне. Корчится. Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие... Уставились, шарахнулись, подплыли опять и говорят:

– Выплюнь, выплюнь месяц-то.

Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох.

А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину.

На дне речки стало светло, ясно и весело.

А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок, пригладился и поплыл между звезд по синему небу.

Не впервые ясному бока выращивать.

ВОДЯНОЙ

Лежит на возу мужик, трубочку посасывает – продает черного козла. А народу на ярмарке – труба нетолченная.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на нем новый, а полы мокрешеньки.

– Ишь угораздило тебя на сухом месте измочиться, – сказал мужик.

Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает:

– А ты пустяки не говори; продажный козел-то?

– Не для себя же я козла привел; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увел козла, а мужик принялся в кисет деньги совать и видит – вместо трешницы лягушиная шкурка.

– Держите его, православные! – закричал мужик. – Водяной по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать; мужика в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили; и пошел он в сумерки домой, а дорога – лесом. Вдруг видит мужик: идет его козел, крутые рога опустил, топает ножками, а на нем верхом чучело сидит зеленое, рачьи усы растопыркой, глаза плоскими.

Проехало чучело,хватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе – прыг в воду, очутились на зеленом дне.

– Ну, – говорит ему чучело, – народ мутить, меня ловить будешь али нет?

– Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

– А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел?

– Мы народ рабочий, – отвечает мужик, – поработаю на тебя.

– А что делать умеешь?

– Неученые мы, батюшка водяной, только баклуши и бьем.

– Хорошо, – говорит водяной, – бей баклуши... – и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.